

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ГОЛОВНОЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Выпуск 1

Межвузовский сборник

Под редакцией проф. М. И. АРТАМОНОВА

и проф. Р. Ф. ИТСА

Издательство Ленинградского университета
Ленинград 1977

Новые данные свидетельствуют о том, что в центральных районах Северо-Запада длинные курганы и сопки развиваются одновременно и на близкой культурной основе. С ними связаны одиночные насыпи, появляющиеся, видимо, в третьей четверти I тыс., а также по крайней мере какая-то часть обычных небольших круглых курганов. В культуре всех этих памятников выступают черты, объединяющие их с памятниками соседних, балтских или финно-угорских племен. Пока нет достаточных оснований для резкого разграничения «культуры сопок» и «культуры длинных курганов» на значительной части ареала тех и других. Возможно даже, что какое-то время обе эти группы насыпей, так же как и круглые и одиночные курганы, входят в состав одного культурного комплекса.

Впредь до детального изучения взаимосвязей сопок, длинных и круглых курганов в каждом конкретном субрегионе в течение VI—X вв., а также их связей с курганами и жальниками XI—XIV вв. и невыявленными пока погребальными памятниками середины — первой половины I тыс. вряд ли стоит связывать их с конкретными восточнославянскими племенами. Не исключено, что в основе ранних сопок и длинных курганов — культура местного, финно-угорского населения (возможно, с балтскими элементами), т. е. летописной чуди, лишь постепенно в течение нескольких столетий смешавшейся со словенами ильменскими. Сопки, длинные и круглые курганы, жальники могли в различной степени для разного времени и разных местностей отразить этот сложный процесс этнического взаимодействия.

И. В. ДУБОВ

УРНОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЯРОСЛАВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Среди многочисленных и разнообразных вариантов погребального ритуала, представленных в курганах ярославских могильников, особое место занимают урновые погребения. Обычай помещать сожженные останки умершего в глиняные сосуды известен во всех трех ярославских некрополях. Всего насчитывается пятьдесят один курган, где зафиксированы погребения с помещением кальцинированных человеческих костей в урну.¹ Итак, около десяти процентов ярославских курганов с кремациями содержат урновые погребения.²

При анализе серии погребальных комплексов с урнами целесообразно опираться на материалы Тимеревского и Михай-

ловского могильников, где известно соответственно тридцать четыре и четырнадцать погребений в урнах, что составляет восемьдесят процентов от общего количества комплексов. В Петровском могильнике встречены единичные погребения в урнах, они не характерны для этого некрополя. Сами урны — это лепные горшки баночной формы, характерные для целого пласта древностей периода раннего средневековья. В ярославских могильниках только в одном случае отмечен горшок с округлым дном — местная финно-угорская форма. Гончарные сосуды в качестве урн в ярославских могильниках не встречены.

Наиболее представительна серия урновых погребений из Тимеревского могильника. Эти комплексы относятся к разным хронологическим этапам существования некрополя. К IX столетию относятся курганы 202 и 272. В кургане 272 кальцинированные кости были положены в лепной баночный сосуд без орнамента. Площадка, на которой стояла урна, была окружена кольцом из крупных камней. Аналогичный обряд погребения хорошо известен в Скандинавии в могильнике Бирка. Такие комплексы в основном относятся к IX в.³ В Тимеревском могильнике группа курганов с каменными кольцами хорошо датируется тем же временем.⁴ В раннюю серию насыпей Тимерева попадает еще один курган с урновым погребением (202). Этот комплекс примыкает к группе насыпей IX в. топографически, по размерам и обряду погребения (трупосожжение на стороне). Урна с кальцинированными костями была накрыта железной пластиной.

Основная масса урновых погребений Тимеревского могильника датируется X в. К первой половине X в. относятся семь таких комплексов.⁵

Для погребальных комплексов X в. в целом характерно наличие кострища, т. е. кремация покойника происходила на месте сооружения кургана. В комплексах 169, 261, 278, 354 урна сочетается с кострищем. В то же время встречаются сожжения, совершенные на стороне, а кости собраны и помещены в урны (273, 303, 333). В первой половине X в. появляется новый вариант урнового погребения — горшок накрывает кучку кальцинированных костей, причем перевернутые урны входят в комплексы, где погребальный обряд и инвентарь содержат местные финно-угорские элементы — горелые плахи по краям кострища, глиняные лапы, копоушки. В кургане 278 найден дирхем, время чеканки которого не определено. В кургане 273 урновое погребение сопровождал саманидский дирхем чеканки 895—897 гг.

³ Лебедев Г. С. Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореф. канд. дис. Л., 1972, с. 11—12.

⁴ Дубов И. В. Ярославское Поволжье в IX столетии. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1976, № 14, с. 62—63.

⁵ Курганы 169, 261, 273, 278, 303, 333, 354.

¹ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. Приложения.

² Точные данные привести нет возможности, так как не опубликованы материалы раскопок М. В. Фехнер 1974—1976 гг.

В середине X в. в ярославских могильниках получает наибольшее распространение погребальный обряд — сожжение на костре на месте насыпки кургана. К этому времени относятся тринадцать урновых погребений.⁶

Для середины X в. характерно разнообразие положения урны в кургане — в верхней части насыпи, на кострище, в ямке под кострищем. По-прежнему встречаются перевернутые урны в сочетании с местными вещами — лапы, копоушки, привески из астрагалов бобра. В кургане 398 найдена фибула типа 51^с, которая и позволяет датировать комплекс серединой X в. В этой группе насыпей известны находки фибул в курганах 79 (тип 227, X в.) и 168. Абсолютное большинство комплексов содержит кострища, на которых часто встречаются обугленные плахи — остатки сгоревшего подкурганного «домика мертвых».

Три кургана Тимеревского могильника, содержащие урновые погребения, датируются второй половиной X в.⁷ Находки в кургане 368 скорлупообразной фибулы типа 52 и равноплечной типа 70—71 позволяют датировать этот комплекс второй половиной X в. Аналогичная датировка может быть предложена для комплекса 391 с круглой фибулой типа 116.

Близкое хронологическое распределение можно наблюдать и на примере погребальных комплексов с урнами Михайловского могильника.

К ранней группе (IX в.) можно отнести всего лишь один курган с урновым погребением. Это комплекс 27, раскопанный И. А. Тихомировым в 1898 г. Я. В. Станкевич датировала данный курган второй половиной VIII в.⁸ Д. А. Авдусин полагал, что насыпан он был в IX столетии.⁹ Основанием для таких датировок служила находка здесь дирхема, чеканенного в 712 г. Н. Г. Недошивина, опираясь на общее положение о том, что основная масса ярославских курганов относится ко второй половине X в., датировала рассматриваемый комплекс этим временем.¹⁰

Однако, скорее всего, прав Д. А. Авдусин — в пользу его определения говорят находка монеты (остальные вещи датирующими не являются), обряд погребения (урны с кальцинированными костями, покрытые глиняной крышкой и стоящие среди кучи углей в центре кургана). Минимальные размеры насыпи не противоречат такой датировке.

Первой половиной X в. в Михайловском могильнике датиру-

⁶ Курганы 79, 153, 155, 156, 168, 179, 180, 263, 271, 315, 322, 325, 398.

⁷ Курганы 368, 380, 391.

⁸ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. — МИА, 1941, № 6, с. 66.

⁹ Авдусин Д. А. Дружинные курганы кривичей. Автореф. канд. дис. М., 1948.

¹⁰ Недошивина Н. Г. Михайловский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 29—30.

ются семь курганов. Все они содержат в составе своего инвентаря датирующие вещи. В этих насыпях урны располагаются на кострищах.

В кургане 18 (раскопки 1897 г.) найдены две скорлупообразные фибулы: одна из них типа 51^а, а вторая относится к промежуточному типу 51^{а-к}. Оба типа застёжек синхронны и датируются в основном первой половиной X в. Кроме черепаховидных фибул в этом погребальном комплексе найдены: меч, согнутый пополам, дирхем-привеска (805—809 гг.). Меч относится к типу «Е». В Скандинавии мечи этого типа после 900 г. встречаются крайне редко.¹¹ Таким образом, узкую дату для этого комплекса дают фибулы, а хронология остальных находок не только не противоречит, но и подтверждает ее.

В кургане 18-1898 на кострище располагалась урна с кальцинированными человеческими костями, в которой и находилась инвентарь. Датировочной находкой является односкорлупная орнаментированная круглая фибула типа 128. Обряд погребения кургана 176 практически идентичен описанному выше. В состав инвентаря входит круглая фибула. Абсолютно аналогичная ей известна из погребения могильника Бирки (Швеция).¹² На обоих экземплярах стилизованное изображение коня с развевающимися вокруг крупа лентами (змеями). Изображение на ярославской находке даже в деталях идентично рисунку на застёжке из Бирки. Размеры того и другого экземпляра полностью совпадают. Погребение с такой фибулой в Бирке датируется первой половиной X в. Михайловский курган по аналогии можно датировать тем же временем.

Еще в двух комплексах с урнами известны находки мечей. Меч типа «V» найден в кургане 34-1898. Такие находки в Скандинавии бытуют в течение всего X в., но больше они распространены в его первой половине.¹³ Копье из этого кургана относится исследователями к типу «V» и датируется X в.¹⁴ Вообще инвентарь рассматриваемого погребения говорит о социальной принадлежности человека, нашедшего покой под этой насыпью, — кроме меча и копья здесь найдены стрелы, остатки колчана, элементы конской упряжи — стремена, удила, рукоять плети. Несомненно погребенный имел самое прямое отношение к военному делу и был дружинником. Наша датировка опровергает положение, выдвинутое Н. Г. Недошивиной, согласно которому «погребения с копьями появляются в Михай-

¹¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, т. I. — САИ, Е1-36. М., 1966, с. 30.

¹² Фехнер М. В. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 78, рис. 45—II.

¹³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, т. I, с. 31—32.
¹⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, т. II. — САИ, Е1-36. М., 1966, с. 18.

ловском могильнике только к концу X в., когда погребения с мечами и стрелами становятся более редкими».¹⁵

В кургане 1-1902, где отмечено урновое погребение, найден меч типа «Д». Мечи этого типа датируются концом IX—X вв.¹⁶ Кроме меча в кургане отмечен богатый набор погребального инвентаря — бубенчик, фрагмент шумящей привески, бусы, стрелы, заклепки от щита, ореховая скорлупа, наконечники пояса и поясные бляшки. Вся совокупность признаков позволяет нам относить этот курган к серии насыпей первой половины X в.

Скандинавские фибулы, имеющие твердую дату (середина X в.), встречены в курганах 3-1903 (две фибулы типа 51^с) и 65-1961 (фибула типа 51). В последнем кургане найдены два дирхема и железная шейная гривна из дрота четырехгранного сечения с привесками в виде молоточков Тора (скандинавский амулет, указывающий на этническую принадлежность погребенной).¹⁷ Местные финно-угорские вещи в курганах с урнами первой половины и середины X в. редки. Это все единичные находки лап, астрагалов, бубенчиков.

В Петровском могильнике известно всего три погребения с урнами, два из них имеют узкие даты. Курган 114 датируется первой половиной X в., а курган 110 был насыпан скорее всего в середине X в. Эти даты получены на основании анализа погребального обряда и топографического размещения курганов.

Таким образом, погребальные комплексы с урнами известны на всем протяжении функционирования ярославских могильников (IX—конец X вв.). Этот вариант обряда является составной частью ритуала кремации. Все урновые погребения, исходя из места и вида расположения самой урны, а также наличия сопутствующих элементов обряда — кострища, зольно-угольной прослойки, каменной конструкции, ямок, — можно разбить на две основные группы, которые в свою очередь подразделяются на пять вариантов. Наиболее представительна первая группа, основным признаком которой является расположение урны вертикально в нормальном положении. Урна может стоять на кострище, в насыпи, в ямке под кострищем. В Михайловском могильнике такие комплексы насыщены предметами северного происхождения — здесь найдены три из шести мечей, известных в могильнике, ланцетовидные стрелы, скандинавские фибулы, скорлупа ореха, наконечники поясов с орнаментом в виде плетенки, шейная гривна с молоточками Тора. В то же время находки вещей финно-угорского характера здесь единичны. Погребения этой группы Тимеревского могиль-

ника содержат несколько иной инвентарь: здесь присутствуют северные элементы, но уже в единичных случаях. Зато здесь значительно усиливается пласт финно-угорский — в шести курганах в погребения были положены глиняные медвежьи лапы, в четырех — копоушки. Причем подобные вещи отмечены как в погребениях со скандинавскими находками, так и без них.

Такое различие между погребальными комплексами с одинаковым обрядом погребения в Михайловском и Тимеревском могильниках требует объяснения. Ответ на этот вопрос кроется в хронологической разнице комплексов Михайловского и Тимеревского некрополей. Две трети погребений анализируемой группы в Михайловском могильнике относятся к IX — первой половине X в. Наличие в них большого количества северных вещей и сам северный характер обряда не противоречат положению о проникновении в Ярославское Поволжье в IX в. вместе с волной славянской колонизации из земель Новгородских, в отдельных групп скандинавов. В Тимереве большая часть урновых погребений первой группы датируется серединой X в., т. е. временем, когда в процесс формирования древнерусской народности в данном районе активно включилось местное финно-угорское население, материальная и духовная культура которого отразилась в погребальных комплексах с урнами. Скандинавские элементы обряда и инвентаря уже отошли на второй план, как и сами представители этой этнической группы, потерявшие какое-либо самостоятельное значение ко времени активизации процесса формирования древнерусской государственности на северо-востоке.

Чрезвычайно интересной и своеобразной является вторая группа урновых погребений — это комплексы с перевернутыми урнами, когда сосуды покрывают кучки кальцинированных человеческих костей. Встречено два варианта этого типа обряда — перевернутая урна стоит на кострище или в ямке под ним. Этот тип обряда в ярославских могильниках представлен исключительно в Тимереве, и только один случай известен в Петровском. Датируются погребения с перевернутыми урнами X в. Любопытно, что именно в них найдены главным образом глиняные имитации медвежьих лап и другие предметы финно-угорского характера. Например, пять насыпей из Тимерева содержат урны, расположенные на кострище и покрывающие кальцинированные кости. В четырех комплексах из пяти найдены глиняные лапы. В связи с этим особый интерес приобретает вопрос о происхождении этого обряда погребения.

Урновые захоронения известны в погребальных древностях второй половины I тыс. Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвinya — длинных курганах.¹⁸ Перевернутые урны, по-

¹⁵ Недошвина Н. Г. Предметы вооружения из Ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв., с. 59.
¹⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. т. I, с. 26—27.
¹⁷ Шаскольский Н. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965, с. 120; Дубов И. В. О датировке железных шейных гривен с привесками в виде «молоточков Тора». — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 262—268.
¹⁸ Шмидт Е. А. О смоленских длинных курганах. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 227; Седов В. В. Длинные курганы кривичей. — САИ. Е1-8. М., 1974, с. 24—25.

крывающие меньшую урну с костями или просто кучку костей, часто встречаются в длинных курганах. В Гнездовском могильнике большую часть погребальных комплексов составляют урновые захоронения, встречаются здесь и перевернутые урны. Помещение кальцинированных костей в урны является наиболее типичным признаком для полусферических курганов с сожжениями Гнездовского некрополя.¹⁹ Однако хронологически гнездовские комплексы позже ярославских, и поэтому урны здесь в основном сделаны на гончарном круге.

На территории, близкой к Волго-Окскому междуречью, обычно накрывать кальцинированные кости сосудами зафиксирован для более раннего времени на дьяковском городище под Звенигородом, где урны с кальцинированными костями, в том числе и перевернутые, находились в «домике мертвых». Исследователи городища выделяют урновые захоронения как балтийскую черту в финно-угорской системе погребальной обрядности.²⁰

За фактом появления урнового обряда в Ярославском Поволжье в IX—X вв., видимо, кроется какое-то движение населения на Волгу из районов Смоленского Поднепровья в эпоху раннего средневековья.

Анализ небольшой серии погребальных комплексов, связанных между собой одним признаком — наличием урны, с большой убедительностью показывает, насколько сложен был процесс освоения славянами северо-восточных земель. Ясно, что в движении славянского населения на Верхнюю Волгу принимали участие и иные этнические группы, подвергшиеся воздействию славянского этноса, — западные финно-угры, балты, скандинавы.

В погребальном обряде и инвентаре отразились и местные черты, характерные для финно-угорского племени меря. Основной поток древнерусской колонизации Волго-Окского междуречья шел с северо-запада — из земель словен новгородских, однако в этом движении, видимо, участвовали и группы населения из районов Верхнего Поднепровья — из земель смоленских кривичей.

¹⁹ Булкин В. А. Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Автореф. канд. дис. Л., 1973, с. 11.

²⁰ Краснов Ю. А., Краснов Н. А. «Домик мертвых» на городище дьяковского времени. — АО 1966 г. М., 1967, с. 34—36.

В. М. ГОРЮНОВА

О ЗАПАДНЫХ СВЯЗЯХ «ГОРОДКА» НА ЛОВАТИ (по керамическим материалам)

При установлении общей картины социально-экономических процессов, протекавших в древнерусском обществе на Северо-Западе, нельзя обойти материалы многочисленных небольших

поселений как укрепленных, так и неукрепленных, отражающих различные стороны развития феодализма. До последнего времени им не уделялось должного внимания — интересы исследователей были сосредоточены в основном на изучении Новгород-Пскова и Старой Лядоги. Многие памятники были известны лишь по разведкам и небольшим раскопкам, по которым невозможно составить полное представление о характере этих поселений. В последние годы положение коренным образом изменилось. Появилась тенденция к углубленному и планомерному изучению целых регионов (поречья Мсты и Луги, окрестности Пскова и т. д.). Однако широко раскопанные памятники пока единичны. Одним из немногих таких памятников Северо-Запада является древнерусское поселение в урочище «Городок» под Великими Луками на Ловати, укрепленная часть которого площадью около 1400 кв. м была полностью вскрыта Я. В. Станкевич в 1954—1957 гг. Раскопки показали, что важную роль в жизни обитателей поселения играли различные виды ремесел, прежде всего ювелирное и кузнечное, а также торговля.¹ Начальный период жизни поселения характеризуется своеобразной керамикой, лепной и подправленной на ручном гончарном круге.

В раннегончарной керамике обращают на себя внимание два типа горшков, довольно резко выделяющихся по своей форме и пропорциям среди прочей посуды X — начала XI вв.² К первому типу относятся горшки с хорошо выраженным изломом стенок в верхней части, принимающим иногда характер ребра. Венчик горшка короткий, слегка отогнут наружу. Диаметр горловины значительно больше диаметра дна и почти равен высоте. Орнамент идет зоной, начиная от края венчика, и представляет собой горизонтальные линии, одинарную или многорядную волну, иногда сочетающуюся с линейным орнаментом (рис. 1, 1—3). Второй тип характеризуется горшками со вздутым в верхней трети туловом, чуть намеченным, наклонным вовнутрь венчиком, край которого несколько оттянут наружу. Пропорции примерно те же, что и у предыдущего типа. Орнамент однообразен — он состоит из горизонтальных бороздок, покрывающих тулово в верхней части, на 1—1,5 см ниже края венчика (рис. 1, 4).

Особенности первого типа (ребро в верхней трети высоты) и второго (загнутый внутрь, почти непрофилированный венчик) служат достаточным основанием для того, чтобы в поисках аналогий не обращаться к славянским и древнерусским памятникам более южных районов. Вместе с тем керамика, найденная

¹ В 1971, 1972, 1975 гг. кафедрой археологии ЛГУ были продолжены исследования поселения «Городок». В ходе раскопок, которые велись на севере, окружающем городище, были выявлены ремесленные комплексы.

² Они составляют примерно треть всей раннегончарной керамики поселения.